

У НАС почти исчезло само понятие театральной провинции — это очевидно. Для сомневающихся прекрасным доказательством может быть творческий отчет в Москве Башкирского театра кукол. Успех предыдущих гастролей (1980 г.) не оказался, к счастью, кратковременным всплеском; театр из Уфы, имеющий богатую полувековую историю, — сейчас один из интереснейших кукольных коллективов страны.

Что скрывать, спектакли, привезенные в Москву, неравноценны, почерк театра порой неровен. Но он есть, этот почерк — отчетливый, своеобразный, истинно театральный. И, добавим, настоящему кукольный.

Ширма здесь редкий гость, и куклы ошеломительно разнообразны — от больших до малых, от традиционных до оригинальных, и сложная символика декорации, и частые вкрапления пантомимы, и равноправное порой соседство куклы с живым актером. В лучших своих вещах уфимцы играют в современный театр кукол, тот самый, который ныне заново осознает свои силы, нацупывает новые средства выразительности, особую образность и которому становится подвластно действительно все. В том числе и трагедия.

САМА мысль перенести на кукольную сцену нравственно-философскую притчу Ч. Айтматова многим, наверное, заранее казалась нереальной; этот замысел требовал немалой смелости — и профессиональной, и гражданской. «Белый пароход» (пьеса А. Баранова) стал про-

куклы, вступающие в неоднозначные, драматичные отношения с человеком. Большие плоские фигуры со стилизованными лицами и своей особой, чуть скованной пластикой, неожиданно оказываются способны на точнейший психологический жест, способны «держат паузу», и при всем

стойтерным в психологических и бытовых деталях. Спектакль разыгран с той старой магией театров кукол, когда забываешь о его условности и попросту веришь в реальность «игрушечного» мира. Известный прием — «черный кабинет», когда бархат кулис и костюмов делает невиди-

чему эта работа была удостоена специального диплома VI Международного фестиваля театров кукол «За наивысшие художественные результаты». Хотя и здесь можно найти слабые места, некоторую монотонность, но все искупает главное — театральность самой высокой пробы.

лонение Пьеро и Мальвины!.

Сколько раз ставили «Буратино» в кукольном театре, а уфимский спектакль редкостно свеж и увлекателен. И, наверное, потому еще, что не играет в наивность. Сказка и кукольное волшебство как бы оглядываются на себя, помнят, что они — сказка и театр. Поэзия при этом не разрушается, очарование не уходит; просто сказка становится современно умной и чуть насмешливой, а театр — именно театром, пусть магическим, но — искусством.

ГАСТРОЛИ

ЧЕСТНОЕ КУКОЛЬНОЕ СЛОВО

граммной работой для театра и получил заслуженное признание на всесоюзных и международных фестивалях. Это спектакль трагедийного накала, разрешающегося высокой патетикой; поэтичная и жесткая айтматовская проза претворена в сложную метафоричную образную систему. Многослойная образность, язык метафоры, возвышающейся до символического обобщения, разнообразие выразительных средств, иногда сознательно дисгармоничных.

Но всегда насыщенных взрывной эмоцией, — стиль современного театра кукол. Пантомима, способная стать и бурной рекой, и утесом, и широкой, актеры в «живом плане», игра света и цвета — и

том создают притчевую обобщенность характеров.

В спектакль есть неровности. Но не так уж часты встречи с художниками, которые заставляют тебя пренебречь подробностями и погрешностями, которые поверх всех условностей и вкусовых несогласий заражают невыдуманной болью, страстью.

Стремится к трагедийному звучанию и спектакль «Галима» (драматическая поэма А. Баранова по повести классика башкирской литературы М. Гафури). Повествование о трагической судьбе влюбленных, о фанатизме и жестокости, о верности и любви ведется в образах почти гротескных, в метафоричной символике, но остается и до-

мым актера, — обретает вдруг магическую силу преобразования и позволяет говорить образами смелой поэзии. Здесь влюбленные могут парить по звездному небу, их завистники и враги в мгновение ока оборачиваются хищными птицами; куклы «висят» в черном пространстве-космосе, завораживая самим волшебством своего существования. Вертикальные, промативные композиции вдруг обнаруживают родство с кинематографом, мультипликацией: настолько **свободно** здесь образное мышление. Прибавим еще изысканно строгую цветную графику изобразительных решений, сложную вязь ассоциативных перекличек — и пойдем, по-

Сходно решен и детский спектакль того же авторского коллектива (режиссер-постановщик В. Штейн, художник М. Грибанова, композитор С. Миролюбов) — «Приключения Буратино». Повторенный прием, сохраняя всю свою магию, приобретает совсем иное качество — удивительную праздничность, яркость, богатство фантазии и чувства. Спектакль получился настоящим детским.

Здесь море остроумнейших и выразительных находок, решений: взята хотя бы Тортилла — черепаший панцирь «играет» роль зонтика, и его можно держать над головой, беседа посреди пруда. Или «танец» бабочек, сопровождающий песенное объ-

В КРАТКОМ отзыве не упомянешь всех актеров; да такая уж извечная, увя, судьба кукольников: прятаться за ширмой, отодвигаться в тень, закрываться маской... Но одно имя должно быть названо — заслуженная артистка БАССР В. Рахимова. Ее голос удивителен, тон найден на редкость счастливо и задает пронзительную тональность всего спектакля. Она же обезумевшая от смерти любимого Галима, она же своевольный сорванец Буратино — и везде мастер.

Ее голосом кричит Буратино: «Даю тебе честное кукольное слово!». А кажется — это клянется своим зрителям, малышам и взрослым, Башкирский театр кукол.